

Кличев О.А.,

докторант

(Бухарский государственный университет,
Узбекистан)

**ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА
ПОСОЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

DOI: 10.31249/gimm/2020.01.06

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, связанные с установлением и развитием двусторонних отношений после подписания договора 1868 г. между Россией и Бухарским эмиратом. Выделяются вопросы, касающиеся посольских приемов в эмирате, отмечаются особенности аудиенции у бухарского эмира высокопоставленных лиц – членов российской дипломатии. В результате изучения ряда источников и архивных документов отмечается, что прием эмира оценивался как одно из важнейших и значимых мероприятий в деятельности посольской службы России в Бухарском эмирате.*

***Ключевые слова:** Российская империя; Бухарский эмират; посол; прием; эмир; генерал-губернатор.*

Процесс превращения Бухарского эмирата в имперский протекторат затянулся более чем на полтора десятка лет, хотя формально эмират попал в зависимость от Российской империи в 1868 г. Бухара в XVIII – первой половине XIX в. не только сохранила средневековый облик, но и являлась ядром городской культуры Среднего Востока, занимала свое место как исламизированный центр духовной культуры. Среднеазиатское общество имело хорошо организованную систему мусульманского образования. Грамотность здесь исконно была в большом почете¹.

Действия военного характера Российская империя предприняла еще в 1847 г., захватив устье реки Сырдарья, где и была построена крепость Раимовская. Спустя шесть лет, в 1853 г., русские

¹ Джурбаев Д.М. Система мусульманского образования в Бухарском ханстве в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам русских источников). Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2013. – С. 209.

заняли крепость Ак-Мечеть, которая принадлежала Кокандскому ханству. На месте Ак-Мечети появилась крепость – военное укрепление «Форт Перовского».

Со временем появилась новая область – Туркестанская, подчиненная Оренбургскому генерал-губернатору. На должность военного губернатора Туркестана был назначен генерал-майор Черняев. Он известен тем, что штурмом взял Ташкент в 1865 г. А спустя год начались активные военные действия против Бухары, и русскими были разбиты основные силы кокандцев, и Кокандское ханство было отделено от Бухары. Спустя два года, в 1867 г., образовано Туркестанское генерал-губернаторство, центром которого стал город Ташкент.

Далее было создано Императорское Российское политическое агентство в 1885 г., которое вело постоянную переписку с кушбеги. Важно подчеркнуть, что правительство Бухарского эмирата оказывало постоянную поддержку экспедициям¹.

Отрезок времени с 1868 до 1885 г. получил отражение в записках российских дипломатов, военных чиновников и ученых, которые побывали в этот период в Бухарском эмирате. У власти находился в это время эмир Музаффар (1860–1885)². Именно в период его правления увеличилось количество визитов русских послов, и эмир назначил кушбеги (везирь) ответственным за безопасность русской миссии.

Интересны вопросы, касающиеся государственного устройства Бухарского эмирата и правоотношения с российской стороной. Путешественники из России, которые исследовали Бухарский эмират, по итогам своих экспедиций оставили отчеты, записки, мемуары, в которых давались характеристики различных сторон жизни эмирата. Ряд авторов, чьи записки сохранились, входили в состав официальных посольств и иных дипломатических делегаций. Большинство документов были посвящены описанию политической ситуации в Бухарском эмирате, об устройстве высших органов власти, характеристике первого лица, членов семьи эмира, а также высших сановников при дворе и др. Стоит отметить, что

¹ *Zhibek S. Syzdykova, Oibek A. Klichev. The Activities of the Russian Imperial Political Agency in the Bukhara Emirate in the Second Half of the XIX Century at the Beginning of the XX Century // International Journal of Applied Exercise Physiology. Vol. 8. N 2.1. P. 137.*

² Эмиры Бухарского ханства после прихода царской России: Музаффар 1860–1885; Абдул Ахадхан 1885–1910; Алимхан 1910–1920.

порой члены дипломатических миссий оставили описание и отдельно взятых аспектов жизни страны.

Во второй половине XIX в. официальные российские посольства, отдельные представители имперской российской администрации, которые и не обладали дипломатическим статусом, принимались бухарскими властями с высокими почестями. После заключения мирного договора 1868 г. в эмират в 1870 г. прибыла российская делегация во главе с полковником С.А. Носовичем, которую на границе эмирата встречал мирахур, – фактически «министр иностранных дел» Бухары¹.

Практически таким же образом был встречен мирахуром и Н.Ф. Петровский², хотя, по словам самого Петровского, он ехал в Бухару как путешественник³. Бухарский эмир Музаффар в 1874 г. прибыл из столицы в город Китаб, для того чтобы пообщаться с Н.П. Стремоуховым⁴, который был сопровождающим возвращающегося домой бухарского посла⁵. Официальный представитель туркестанского генерал-губернатора при дворе эмира пользовался почетом первого лица государства, а также его сановников, и фактически выполнял функции советника и высказывал позицию российских властей. Прежде всего, это касалось внешней политики Бухары в отношении Афганистана и британских властей Индии и т.д.⁶

В 1873 г. был подписан Шаарский договор, который юридически закрепил протекторат России над Бухарским эмиратом, что, естественно, привело к понижению статуса эмира как в глазах собственных подданных, так и далеко за пределами страны. Это

¹ Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. СПб.: Изд. Бортневского, 1871. – С. 43.

² Русский дипломат Николай Федорович Петровский (1837–1908).

³ Петровский Н.Ф. Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. Т. II. 1873. С. 212.

⁴ Стремоухов Николай Петрович. Май 1874 (извлечение из дневника). Сопровождение в Бухару посольства эмира бухарского. Путь из Ташкента в Самарканд. Города Шаар и Карши. Облик и планировка Бухары, ее население. Торговля с Россией. Прием у бухарского эмира Музаффар-Эддин-Бухадур, характеристика его деятельности. Возвращение.

⁵ Стремоухов Н.П. Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. Т. CXVII. 1875. С. 640.

⁶ См.: Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г.А. Арендаренко). – М.: Наука, 1974. – С. 44–45.

обстоятельство отразилось и на отношении официальных российских властей, посещавших эмират в тот период.

Спустя некоторое время, убедившись, что ему ничего не грозит, Музаффар изменил свое поведение. Если ранее эмир часто выезжал из своей резиденции и даже из столицы, чтобы встретить российскую посольскую миссию, теперь дела обстояли иначе. Подтверждением этому служит тот факт, что когда в первой половине 1880 г. прибыл Г.А. Арендаренко, эмир общался с ним через своих чиновников-даулетханов¹. Далее представляется еще более интересным факт, описанный В.В. Крестовским, когда встречая членов дипмиссии при приветствии, эмир отвечал общим поклоном, слегка встав с места. Любопытно, что такое поведение сами русские дипломаты объясняют тем, что эмир хотел сохранить некую самостоятельность, которая была поколеблена в результате заключения договора 1868 г.²

Следует отметить, что после заключения договора российские подданные, приезжающие в Бухарский эмират, пребывали в относительной безопасности, чем в предыдущее время. И их основной задачей становилось достойное представление Российской империи и соблюдение правил посольского церемониала. Со временем был найден компромиссный выход с точки зрения соблюдения протоколов с обеих сторон с учетом дипломатических традиций России и Бухары, который заключался в следующем:

- 1) для посольств России отменялся обычай падать ниц;
- 2) русские согласились присутствовать на приеме эмира в халатах и, уходя, не поворачиваться к эмиру спиной³;
- 3) еще одна важная традиция претерпела изменения: если ранее иностранные послы должны были сходить с лошади перед дворцом эмира и дальше следовать на прием пешком, теперь же этот вопрос оставался на усмотрение самих гостей.

Эмир следил за тем, как обходятся его чиновники с русскими, которые пребывали на территории Бухары. Известен случай, когда сановник – шагаул эмира, обращаясь к подданным России, не проявил должного внимания и оказался в опале; по служебной

¹ См.: Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г.А. Арендаренко). – М.: Наука, 1974. – С. 96.

² Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. – С. 136.

³ Носович С.А. Русское посольство в Бухаре в 1870 г. С. 286–287. Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. – С. 139–140.

лестнице продвигали тех, кто достойно проявил себя во время приезда россиян.

Говоря о роли дипломатических миссий, а также путешественников – представителей своего рода народной дипломатии, которые одними из первых контактировали с местным населением Бухарского эмирата, можно сказать, что в конечном счете информация, поступавшая от них, способствовала корректировке и выработке собственной российской политики в данном регионе.

Развитие дальнейших дипломатических отношений между Российской империей и Бухарским эмиратом, безусловно, зависело и от восприятия нововведений, связанных с договором 1868 г. Конечно, восприятие нового положения, в котором оказался эмират, у разных слоев населения было, естественно, разное.

Тем не менее, по утверждению российских посольств, в связи с установлением российского протектората в Бухаре большинство местного населения ожидало положительных изменений. Например, те, кто занимались торговлей, выражали надежду на получение дополнительных льгот, которые бы способствовали активизации двусторонней торговли, крестьяне же, вероятнее всего, – упорядочения и уменьшения налогов, а представители национальных меньшинств, как и те, кто исповедовал иные религии, а не ислам, надеялись на расширение своих прав.

В итоге можно констатировать, что подавляющая часть населения эмирата выражала надежду на то, что с приходом русских ситуация в стране изменится в лучшую сторону.

Однако были и другие взгляды на складывающуюся ситуацию. Так, по мнению русских путешественников и дипломатов, против усиления влияния России в Бухаре были представители духовенства, боявшиеся лишиться доходов от вакуфного имущества, а также представители чиновничества, жившие за счет многочисленных налогов и сборов и поэтому не желавшие ничего не менять¹.

В своей работе «Бухарское ханство под русским протекторатом» Д.Н. Логофет пишет о том, что эмир во время генерал-губернаторства К.П. Кауфмана общался весьма корректно, чувствуя колоссальную силу, но затем ситуация изменилась. По словам Логофета, «превращение это резко бросается в глаза тем старым туркестанцам, которые знают Бухару со времени ее завоевания и

¹ Носович С.А. Русское посольство в Бухару в 1870 г. С. 281, 629; Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. С. 85–86.

помнят ту предупредительную исполнительность, которой отличалось бухарское правительство по отношению к каким-либо требованиям со стороны русских властей»¹.

Однако далеко не сразу русской администрации удалось ввести новые порядки управления среднеазиатской страной. К концу XIX в. глава бухарского государства был выше по иерархии, чем туркестанский генерал-губернатор, так как имел чин генерала полного, звания генерал-адъютанта и орден Андрея Первозванного. Если ранее генерал-губернатор был высшим должностным лицом, который представлял российскую власть, и его встречал лично сам эмир, то ныне эмир ожидал его в своей резиденции во время визита. Как отмечает Логофет: «Азия имеет свои особенности, с которыми всегда необходимо считаться, а так как Бухара после Турции является хранительницей заветов мусульманского мира, занимая в нем первое место, и долгое время мусульмане наглядно видели, как глава этого государства подчинялся заместителю русского Ак-падишаха (белого царя), то подобная перемена крайне невыгодна для России, умаляя ее значение во всей Азии, где все держится исключительно опираясь на престиж, а не сравнительно незначительные военные силы»².

После того как прибывшие в страну посольские представители были размещены чиновниками эмирата в соответствующем порядке, в посольской службе проводили с ними беседу по вопросу приема у эмира. Это мероприятие считалось важным, что свидетельствует о том, что в восточных странах имелась своя специфика встречи с правителем государства, и лица, прибывшие на прием, должны были знать об этом. Несоблюдение и нарушение правил приема расценивалось как неуважение в отношении администрации территории и народа. Поэтому чиновников эмирата осведомляли о правилах и законах приема гостей и посольских представителей, прибывших на прием к эмиру.

Официальной резиденцией бухарских эмиров считался Бухарский Арк. Но у эмиров вокруг города, а также в бекствах эмирата имелись дворцы и резиденции. Например, вокруг Бухары были резиденции эмира Шербудин, Ситораи Мохи-Хосса, в Шахрисабзе дворец Ак Сарай, в бекстве Кармана в селении Олчин. Во всех этих местах эмир принимал либо послов, либо официальных чиновни-

¹ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. В 2 т. – СПб., 1911. – С. 350.

² Там же.

ков. Перед официальным приемом послы встречались с церемониймейстером (шигавулом) эмира, чтобы обменяться мнениями по вопросу организации мероприятия. На этих встречах обсуждались ключевые вопросы организации приемов. К ряду таких вопросов можно отнести следующие.

1. Одежда послов и членов делегации.

2. Порядок приезда в резиденцию эмира.

3. Правила приема и этикет, которого должны придерживаться члены делегации в резиденции эмира.

4. Порядок пребывания в городах Бухарского эмирата во время посольской миссии.

Прием эмира осуществлялся на второй день после прибытия послов. В результате перед приемом посол отдыхал, его знакомили с местным порядком приема, и на прием к эмиру он являлся в соответствующей одежде.

В частности, например, головной убор не должен быть выше, чем у эмира. С начала приема и до конца посол и его спутники должны находиться в резиденции эмира безоружными. Это осуществлялось в целях обеспечения безопасности эмира.

В свою очередь эмир также придерживался определенных правил дипломатического протокола. Помощник начальника штаба Туркестанского округа, полковник Матвеев, побывавший в июле 1884 г. на приеме эмира, описывает его следующим образом: «На встрече Бухарский эмир был одет в халат из черного бархата, вышитый золотошвейными нитями. На нем были прикреплены золотые погоны, лента и ордена. Чалма эмира была из материи, сотканной из серебряных нитей. Оружие, т.е. его меч был украшен большими драгоценными камнями»¹.

Не только во время приема посольских представителей, но и во время своих визитов в другие города Туркестанского генерал-губернаторства и Российской империи бухарские эмиры в соответствующем порядке надевали военные награды и ордена.

Несмотря на то что русские военные чиновники знали о культуре восточного одевания, до приема эмира или после него не изъявляли желания надевать подаренные им халаты поверх военного мундира, орденов и медалей. В результате организаторы аудиенции, мастерски используя дипломатические приемы, разъясняли военным чиновникам необходимость соблюдения данного порядка. Сотрудники посольской службы эмирата заметили, что на

¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 627. Л. 51.

первой встрече таких послов с эмиром посольские представители выделенные им халаты повесили на спинку стульев. Некоторые послы в качестве еще одного варианта соблюдения данного порядка в конце приема подаренные им халаты в сложенном виде накидывали на плечо и в таком виде покидали резиденцию. Так появился обычай – «накидывания халата на плечо».

Необходимо особо отметить то, что в межправительственных отношениях подаренные послам от эмира халаты и кони означали соответствующее уважение, а в глазах народа это означало, что человек удостоился милости самого эмира. В городах эмирата представителям посольства надлежало одеваться только в местную одежду (халат и чалма)¹. Потому что, оказываясь на восточном базаре, который был местом большого скопления народа, человек в европейской одежде явно выделялся из общей толпы, и это было небезопасно для самих гостей.

Также существовал порядок проводов посольских представителей до резиденции эмира. Этот порядок соблюдался в виде проводов посольских представителей от дома, где они разместились, до определенного места приема эмира. В отчетах послов, посетивших территорию эмирата, имеются сведения о приеме эмира в бекствах. Например, В.В. Крестовский в своих воспоминаниях пишет о том, что посольские представители в следующем порядке прошли путь на прием к эмиру. «На коне был ясаулбоши, с двух сторон от него в два ряда строем шли конные джигиты посольства. За ними следовала арба с подарками, на конях ехали туксоба и мирахур, фазтон с послами, возле фазтона, майор Байков и доктор Эрн, за ними конвой казаков, посольские слуги и кони, а также слуги, выделенные эмиратом для послов»².

Посольские представители, прибывшие на прием к эмиру, письма и подарки, предназначенные правителю, преподносили на подносе, покрытом красным бархатом, а также на подушечках или в отдельных сундучках. Так, письма императора, отправленные на имя эмира, в 1857 г. торжественно несли до места приема эмира Н. Игнатьев, в 1881 г. статский советник Ибрагимов и старшина части Буласел, а также титулярный советник Логот. Посольский кортеж с представителями и Игнатьевым разбрасывали деньги на-

¹ *Игнатьев Н.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. – СПб.: Государственная типография, 1897. – С. 216.

² *Крестовский В.В.* В гостях у Эмира Бухарского (Путевой дневник) // Русский вестник. – М.: Университетская типография (М. Катков). 1884. Т. 171. С. 153.

селению города. Затем письмо императора, привезенное статским советником Ибрагимовым, в сопровождении группы казаков и эмирских воинов-джигитов в торжественном порядке было внесено на прием к эмиру¹.

В.В. Крестовский в своих воспоминаниях отмечает, что до приема эмира для сопровождения послов недалеко от дома посольских представителей под начальством Али Мадат тупчибоши в полной готовности стояла рота эмира, состоящая из 41 офицера, 200 чиновников, конных гвардейцев и военного хора из 20 человек². Эти сведения свидетельствуют о том, что официальный прием проходил в строгом порядке и на высоком уровне.

На многолюдных улицах городов эмирата чиновников, сопровождающих гостя, население города приветствовало стоя или кланяясь в соответствующем порядке. А высокопоставленного гостя приветствовали с поклоном. Гости также, оказывая знаки дружественного отношения, в соответствующем порядке отвечали им³.

Также было указано, что послы и их спутники, прибывшие в эмират, до Арка должны идти либо пешком, либо конным ходом. Только высокопоставленные послы и посольские представители, чьи имена указаны в письме, отправленном на имя эмира, до резиденции могли добираться верхом или в отдельном фаэтоне. Это тоже считалось своеобразным обычаем эмирата. Потому что на улицах города только высокопоставленные эмирские чиновники и должностные лица имели право ездить верхом. В резиденцию эмира было запрещено въезжать верхом или в фаэтоне, поэтому недалеко от места приема послы должны были спешиться и сойти с фаэтона.

В резиденции или дворце, где проводили прием, послы соблюдали имеющийся официальный порядок приема. Прием во дворце эмира осуществлялся в следующем порядке. Обычно прием назначался в первой половине дня в промежутке с 10:00 до 12:00 часов. При входе в резиденцию гостей встречал построенный в ряд почетный караул. После этого два чиновника на должности удайчи, имеющие два золотых посоха и отвечающие за прием, провожали

¹ *Игнатьев Н.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. – СПб.: Государственная типография, 1897. – С. 232.

² *Крестовский В.В.* В гостях у Эмира Бухарского (Путевой дневник) // *Русский вестник*. – М.: Университетская типография (М. Катков). 1884. Т. 171. С. 144.

³ *Пославский И.Т.* Город Бухара (Описание его и исследование вопроса о занятии его русскими). – Т.: Типография Окружного штаба, 1891. – С. 84.

гостя и его спутников до церемониального зала или комнаты, где находился эмир. В начале сопровождение гостя осуществлялось следующим образом: двое удайчи поднимали гостя за подмышки, позже прибывших на прием сопровождали, держа их под руку.

Прежде чем войти в комнату для оказания уважения его Святейшеству эмиру удайчи громким голосом объявлял имена прибывших гостей. Речь была следующего содержания: «Да делает Аллах его Святейшество эмира непобедимым» либо «Пусть Аллах дарует господину эмиру силы и победу».

Перед входом в комнату посол снимал головной убор. Иногда русские военные чиновники согласно своему чину приветствовали эмира, поднося руку к головному убору, т.е. входили на прием к эмиру, отдавая честь.

Эмирские же чиновники входили в комнату, кланяясь, и эти действия объяснялись следующими причинами:

- во-первых, это выражало уважение эмиру;
- во-вторых, это означало, что военный чиновник учитывал военный чин и должность эмира;
- в-третьих, свидетельствовало о том, что представители местного населения строго соблюдали восточные обычаи.

Вопрос о том, кто должен входить в комнату, где находился эмир, тоже основывался на определенных правилах. Сначала в комнату входил шиговул – чиновник, который сопровождал посольских представителей, после него входили посол и его переводчик, последними входили другие посольские представители. Посол в комнату входил после чиновника, который его сопровождал, и в качестве знака уважения к эмиру кланялся. В процессе приема кланялся три раза. Первый поклон – возле двери комнаты, где находился эмир, второй поклон – войдя в комнату и третий поклон в конце приема¹.

Эмир здоровался с прибывшими гостями двумя руками и спрашивал: «Омонмисен?» – «Как вы себя чувствуете?» Этот обычай означал дружественное отношение эмира к гостю, а также то, что у него самые хорошие намерения. И после соответствующего знака эмира присутствующие в комнате рассаживались на отведенные им места. Во время приема места расположения эмира и посла были очень важны:

¹ Стремоухов Н.П. Поездка в Бухару. (Извлечение из дневника) // Русский вестник. № 6. 1875. С. 648.

– во-первых, если эмир не садился в кресло или в комнате не было кресла, то послу надлежало сидеть на полу, на выделенном для него месте;

– во-вторых, если эмир садился в кресло, то и для посла в комнате было приготовлено кресло.

Однако ситуация постепенно стала меняться, это было связано с тем, что стороны лучше узнавали друг друга, и в конце XIX – в начале XX в. на приеме послов второй случай был приоритетным.

На посольском приеме прибывшие с послом переводчик и спутники размещались на выделенных для них местах или креслах. Обычно посол находился в трех-пяти шагах напротив эмира. При общении эмира и посла переводчику надлежало сидеть на полу.

Послы на приеме эмира бывали два или три раза. Эти приемы, согласно их дипломатическому значению, можно разделить на прием-знакомство, переговоры по основным вопросам и прием-прощание. Это, в свою очередь, определяло значение посольского визита в целом. Если на приеме-знакомстве присутствовали все посольские представители, на втором приеме и во многих случаях и на приеме-прощании встречались только эмир и посол, где обсуждались прежде всего важные вопросы двусторонних отношений.

На приеме-знакомстве чиновник, закрепленный за послом, сначала представлял эмиру посла, а потом его спутников. Они приветствовали эмира рукопожатием. Эмир выражал свое отношение к визиту гостей. Одной из составных частей официального приема была церемония, когда эмир спрашивал о здоровье российского императора, Туркестанского генерал-губернатора и членов его семьи. При этом посол, отвечая на вопросы эмира, выражал ему благодарность за практическую помощь, оказанную посольству на территории государства. Например, как отмечает один из послов, присутствовавший на приеме эмира, свою речь он начал следующими словами: «Я лично был отправлен Туркестанским генерал-губернатором, генералом артиллерии фон Кауфманом, чтобы справиться о Вашем здоровье и пожелать Вам многолетнего процветания. Я желаю, чтобы дружеские отношения между двумя древними народами и правителями, Белым царем и правителем Священной Бухары укреплялись, и всегда царил

мир»¹. Эти слова посла имеют значение в плане обогащения наших представлений о состоянии отношений между двумя государствами.

Обычно эмир диалоги с послами вел при помощи переводчиков. Иногда эмиры общались с послами и без переводчиков. Согласно содержанию бесед членов приема, общение велось на персидском, тюркском и русском языках.

Во многих случаях переводчик в процессе приема доносил слова эмира до посла на тюркском языке. В таких ситуациях эмир иногда замечал, что посол может говорить на этом языке. Прием Н. Петровского в 1872 г. может служить этому примером. Этот случай он описывает следующим образом: «Эмир остановил переводчика и сказал: – “Насколько я слышал, вы умеете говорить на тюркском языке. Так почему же вы не говорите со мной на этом языке?” Тогда я ответил эмиру: – “Несмотря на то, что я знаю этот язык, я боялся сделать ошибку при разговоре с Вами”. Эмир продолжил свою речь, сказав: – “Предпочтительнее слушать ваш голос и вашу речь, нежели вашего переводчика”. После этого разговор был продолжен на тюркском языке»².

Эмир разговаривал с послами через переводчика на персидском, а он излагал слова эмира послу, переводя их на тюркский язык³. Официальные приемы проводились и без переводчиков на русском языке. Например, Эмир Абдулахад 31 августа 1901 г. вел беседу с Туркестанским генерал-губернатором без переводчика. Это⁴ в свою очередь, оставило у гостей очень сильные впечатления.

Посол или чиновник прибывали на прием эмира с официальным письмом, адресованным на имя эмира. В нем указывались имена посла и его спутника, а также излагалась основная задача, предусмотренная посольской миссией. Наличие у послов писем обеспечивало им встречу непосредственно с эмиром. Это обстоятельство также было важным и для представителей правительства эмирата и оповещало руководителя страны о том, какого гостя предстоит принимать.

¹ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп. 34. Д. 527. Л. 53.

² *Петровский Н.* Моя поездка в Бухару (Путевые наблюдения и заметки) // Вестник Европы. Т. II. 1873. Март. С. 225.

³ Бухара и Афганистан в начале 80 годов XIX в. (Журналы командировок Г.А. Арендоренко). – М.: Главная редакция Восточной литературы, Наука, 1974. – С. 34.

⁴ Местные известия // Туркестанские Ведомости. 1901 г. 6 сентября № 71.

После образования в регионе Туркестанского генерал-губернаторства увеличилось количество визитов в Бухарский эмират ряда генерал-губернаторов и представителей областных военных губернаторов, русских военных чиновников, а также ученых. Исходя из степени их важности, цели поездки и поставленных задач прибывающих гостей, а также для упорядочения данного вопроса генерал-губернатор фон Кауфман разработал правила приема. Эти правила выполняли задачу соответствующих указаний для гостей, прибывающих в эмират.

В правилах было указано, что лица из Зарафшанского округа, изъявившие желание прибыть на прием к его Высочеству, а также особы, не имеющие указаний и письма, дающего право на встречу с эмиром, допускались на прием к эмиру. В данном правиле, состоящем из шести пунктов, излагались предложения о необходимости осуществления каких-либо мероприятий по приему гостей, прибывающих на территорию эмирата и на прием к эмиру. Например, были определен порядок встречи и приема действующих послов первой категории.

1. Отправка на границу государства чиновника и фазтона для встречи этих послов.

2. Каждый посол должен был предоставить шиговулу конверт с письмом, адресованным Бухарскому эмиру.

Но если ему было дано предписание отдать письмо лично эмиру, письмо отдавалось послом во время официального приема. Письма необходимо было предоставить либо на первой, либо на последней встрече с эмиром.

В процессе анализа пунктов существующего порядка можно проследить то, что и администрации генерал-губернатора, и встрече с эмиром, а также вопросам, обсуждаемым на переговорах, уделялось особое внимание. Так как в руках прибывающих особ могло быть два конверта, в этом случае они имели право два раза быть на приеме эмира; они могли прибыть на прием к эмиру только при наличии письма Туркестанского генерал-губернатора, отправленного на имя Бухарского эмира; не рекомендовалось допускать на прием к эмиру лиц, имеющих письма Зарафшанского округа или дипломатического чиновника; в процессе приема необходимо говорить только о вопросах и предложениях, изложенных в письме или о вопросах, не изложенных в письме, но которые необходимо донести до эмира при личной встрече. Этот дипломатический казус был исключением из правила.

Целью разработки данных правил в первую очередь было следующее:

– во-первых, исходя из статуса гостей, прибывающих на территорию эмирата, определить их встречу с эмиром или территориальными чиновниками, а также точно определить возложенные на них задачи;

– во-вторых, обстоятельство учитывало точное направление переговоров в процессе посольского приема.

Все эти моменты, безусловно, играли важную роль в межправительственных отношениях. Сначала контроль за соблюдением этого порядка и правил осуществлялся генерал-губернатором и представителями правительства эмирата. Позже вопрос о прибывающих на территорию эмирата и их участии в официальном приеме решался на уровне отношений между кушбеги эмирата и Российским императорским политическим агентством.

Официальные посольские приемы заканчивались тем, что эмир подавал соответствующий знак – движением руки или вставал с места. По времени продолжительность приема Бухарского эмира зависела от его вида. Например, первый прием-знакомство эмира с послом в среднем продолжался полчаса, в то время как встреча по обсуждению основных вопросов могла продолжаться до четырех часов¹. Это показывает, что проблема и ее решение обсуждались серьезно и конструктивно. Официальный прием считался важнейшим средством развития и укрепления двусторонних отношений между государствами.

После приема эмира гости переходили в отдельную комнату. В этой комнате им преподносили дары, выделенные правительством эмирата. Посол и прибывшие с ним спутники в соответствии со своим военным чином и степенью поучали подарки от эмира. Эти подарки отличались от преподнесенных им местными чиновниками своей ценностью. В основном эмир дарил гостям дорогие халаты и отрезы материи, а послам – коня. С приема эмира посол на подаренном ему коне отправлялся в выделенный для него посольский дом. Этот порядок был открытой демонстрацией милости Его Высочества эмира. Как известно, на Востоке, особенно у тюркских народов, традиция преподношения девяти даров высоко-

¹ *Петровский Н.* Моя поездка в Бухару (Путевые наблюдения и заметки). – Ташкент, 1872. – С. 224.

поставленному гостю считалась знаком высокого уважения¹. Это рассматривалось и как знак укрепления дружественных отношений. Но ко второй половине XIX в. этот обычай уже соблюдался не строго. В межправительственных посольских отношениях церемония преподношения и приема подарков исходила из существующей социально-политической ситуации. И именно по этой причине в этот период виды и количество подарков резко увеличились.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Имеющиеся источники подтверждают, что правительство Бухарского эмирата принимало послов на основе разработанных дипломатических правил и принципов, которые претерпевали изменения в зависимости от уровня двусторонних отношений.

Начиная со встречи послов, прибывших на прием к эмиру, до отбытия послов на родину в течение всего срока правительством эмирата осуществлялись комплексные мероприятия.

Трансформационные процессы, произошедшие в Бухарском эмирате во второй половине XIX – начале XX в., предвзяли внедрение нововведений в традиционные порядки, что получило свое отражение и в осуществлении посольских приемов.

Источники и литература

1. ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп. 34. Д. 627. Л. 51.
2. ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп. 34. Д. 527. Л. 53.
3. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века (Журналы командировок Г.А.Арендоренко). М.: Главная редакция Восточной литературы, Наука, 1974.
4. *Вамбери Г.* История Бухары и Трансаксонии с древнейших времен до настоящего / Перевод А.И. Павловскаго. С. Петербург: Типография Скарятин, 1873.
5. *Джурабаев Д.М.* Система мусульманского образования в Бухарском ханстве в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам русских источников) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. Душанбе, 2013.
6. *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: Изд. Бортневского, 1871.

¹ *Вамбери Г.* История Бухары и Трансаксонии с древнейших времен до настоящего / Перевод А.И. Павловскаго. – С. Петербург: Типография Скарятин, 1873. – С. 196.

7. *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887.
8. *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. В 2 т. СПб., 1911.
9. Местные известия // Туркестанские Ведомости. 1901 год. 6 сентября № 71.
10. *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. 1898. Т. 95.
11. *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. Т. II. 1873.
12. *Пославский И.Т.* Город Бухара (Описание его и исследование вопроса о занятии его русскими). Т.: Типография Окружного штаба, 1891.
13. *Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. Т. CXVII. 1875.
14. *Zhibek S. Syzdykova, Oibek A. Klichev.* The Activities of the Russian Imperial Political Agency in the Bukhara Emirate in the Second Half of the XIX Century at the Beginning of the XX Century // International Journal of Applied Exercise Physiology. Vol. 8. N 2.1. P. 137.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

2020.01.005. Симонов К.В.
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО
СПОРТА // Сборник научных статей по материалам
 Международной научно-практической конференции.
 Белгород, 2018. С. 157–160.

Ключевые слова: религия; религиозное влияние; ислам и физическая культура; спорт; ритуал.

Симонов К.В.,
 кандидат исторических наук
 доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
 русского и иностранных языков
 (Воронежский государственный институт
 физической культуры)

Автор рассматривает связь религиозных доктрин христианства, ислама, буддизма, индуизма и иудаизма с физической культурой и спортом. Указывает, что полезность и необходимость тренировок не отрицается ни в одной из них. Само стремление победить соперника, стать лучшим, совершенствовать себя не противоречит никаким религиозным постулатам. Сила спорта, как и сила религии, состоит в том, что он учит соблюдать определенные правила, приучает к порядку и ответственности, а значит, формирует в личности гармонию, сочетающую в себе красоту тела и духа.